

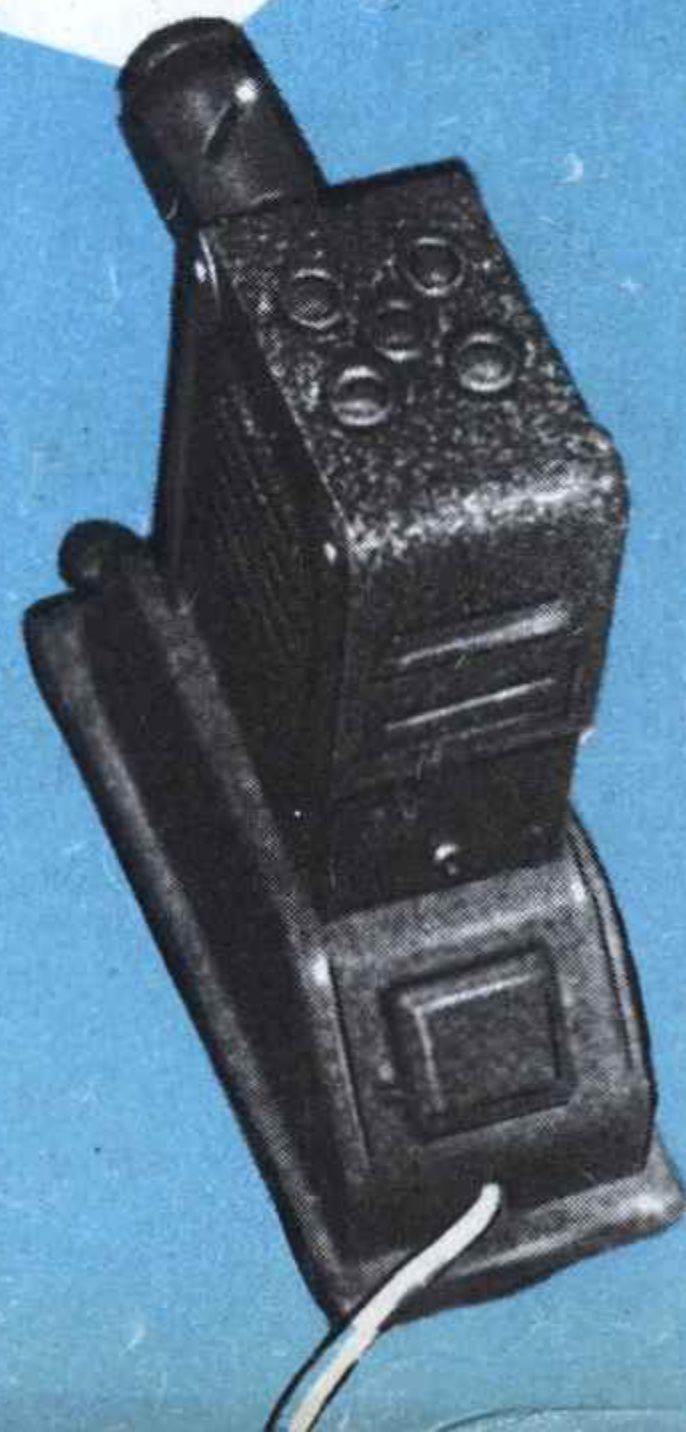
НАУКА И ЖИЗНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

II

1964

◆ Новая великая победа советского народа. Первый в мире коллективный полет космонавтов на корабле «Восход» положил начало новому этапу в освоении космического пространства ◆ Доходчивость пропаганды пропорциональна вооруженности лектора современными техническими средствами пропаганды ◆ Первая диссертация, которая была представлена к защите в Московском университете (1769 год), была направлена против религии ◆ Клод Марли рассказывает о животном, которое слышит ногами, может обходиться без пищи 14 месяцев и обладает загадочными органами, до сих пор вызывающими споры натуралистов. Бьемся об заклад: название этого животного вам отлично известно ◆ Новая гипотеза: виновница великого чикагского пожара 1871 года — комета Биела ◆ Заметки «К новогоднему карнавалу» и «Гирлянды из звездочек» напоминают: новогодний праздник не за горами.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЛЕРМОНТОВА

Ираклий АНДРОНИКОВ.

Лермонтов, юнкер лейб-гвардии Гусарского полка.

С портрета работы А. Челышева.

До недавнего времени этот портрет считался недостоверным. Главное возражение против него заключалось в том, что юнкер изображен без усов, в то время как военные бритье усы не имели права. Однако в 1832 году, когда Лермонтов впервые надел военный мундир, усы у него еще не росли. Его друг М. А. Лопухина писала ему из Москвы в Петербург: «Как бы я хотела видеть вас в форме и с усами!». Поэтому основной довод против подлинности челышевского портрета можно считать опровергнутым. Это Лермонтов.

Судьба его рукописей, его портретов, рисунков, живописных работ отвечает судьбе его собственной — бурной, блистательной, полной трагизма. Лермонтову редко приходилось творить за столом — чаще на постоянных дворах, в кибитке, в кордегардии, на биваке, в перерывах между боями. Современники утверждали, что когда на дежурстве у него не случалось под руками бумаги, он выдвигал ящик стола и писал на дне его прихоронившие в голову строки. В тюрьме писал на стене камеры. Есть стихи, которые написаны под арестом на клочке бумаги с помощью спички и сажи. Говорят, что несколько его тетрадей погибло, когда на Кавказе абреки напали на «тяжелую почту», и почтовые сумки полетели в бурную реку... А сколько было написано серьезных, и острых, и веселых стихов в альбомы светских знакомых, сколько нарисовано шаржей, карикатур, раздарено рисунков и живописных полотен в Петербурге, в Москве, в Тифлисе, в Ставрополе и в Пятигорске! В ту пору альбом для стихов водился у каждой уездной барышни. Что

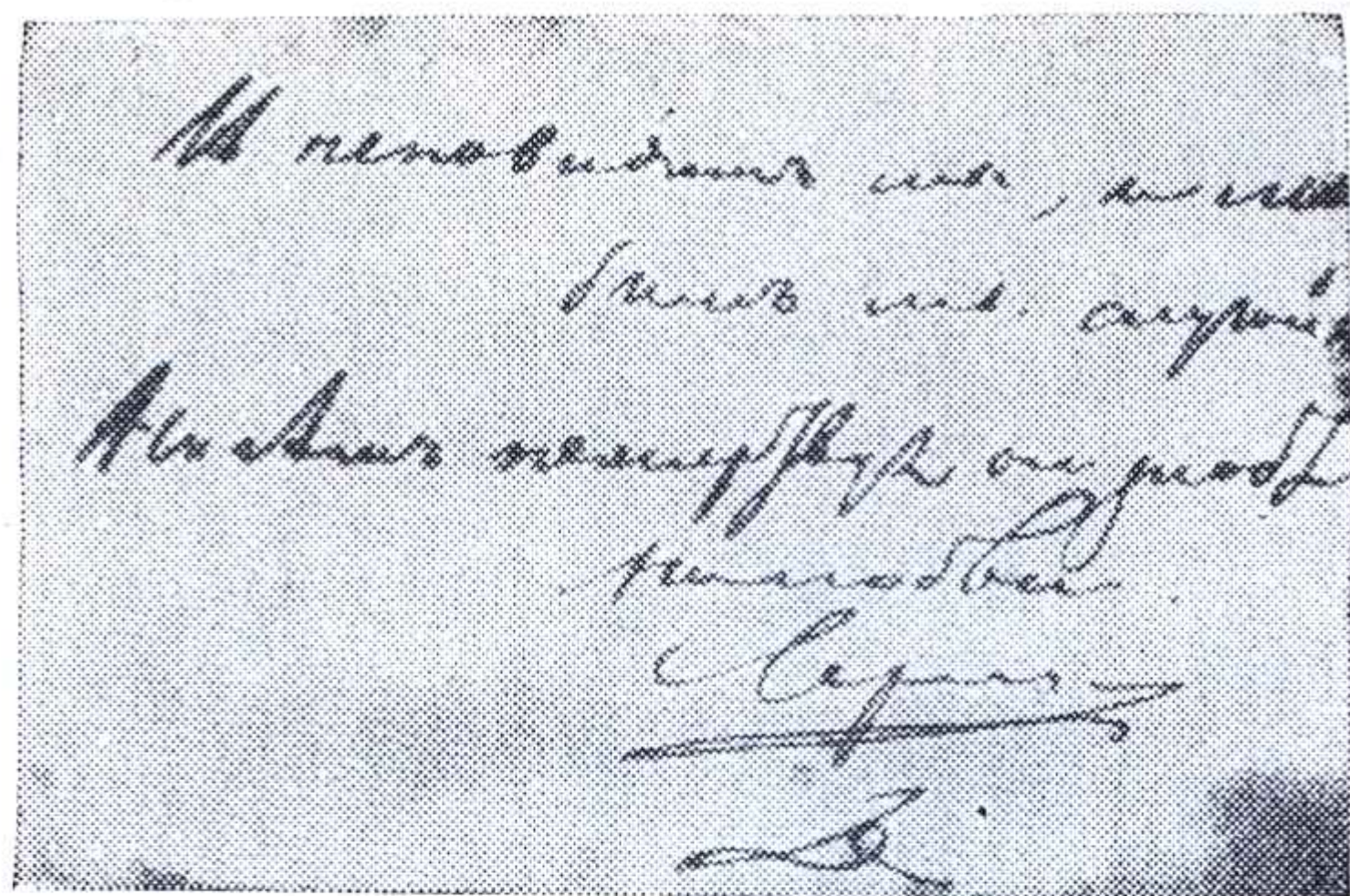
По решению Всемирного Совета Мира прогрессивное человечество отметило в октябре этого года 150-летие со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Бессмертное, полное гражданского пафоса и тонкого, непревзойденного лиризма творчество Лермонтова принадлежит к величайшим сокровищам духовного наследия человечества.

В этом номере нашего журнала мы печатаем статью известного литературоведа, много сделавшего для изучения жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, доктора филологических наук И. Л. Андроникова. Он рассказывает о своих последних находках.

же говорить о красавицах светских! А потом постарались родные: троюродный брат подарил своему начальнику огромную пачку неизвестных стихов. Это было в Кременчуге. До нас дошла только часть. Бабушка после смерти поэта дарила тетради, вещи, рисунки — «на память о Мише». Несколько сотен его стихов в 1865 году предлагал редакции «Отечественных записок» некий Н. А. Долгоруков. Это была отколовшаяся часть кременчугской коллекции. Сделка почему-то не состоялась — стихи до нас не дошли. Много можно перечислить утраченных сочинений и писем: довольно того, что девятнадцать стихотворений Лермонтова мы знаем только в переводе на немецкий язык; русские оригиналы остаются нам неизвестными.

Но все, что бережно собрано, бережно и хранится: в музеях и в рукописных собраниях — в Пушкинском доме Академии наук СССР, в ленинградской Публичной библиотеке; в Москве — в Центральном литературном архиве, в отделе письменных источников Исторического музея, в музее Литературном; в Пятигорске — в «Домике Лермонтова». А то, что не найдено, надо искать, не жалея ни времени, ни трудов. Найти еще можно многое: по всему миру рассеялись реликвии Лермонтова, уехали в альбомах стихи и картинки за русские рубежи, разошлись по стране документы, письма, картины, портреты, изображения друзей и знакомых поэта, воспоминания о нем... География поисков — интересная география.

Город Серпухов на Оке, под Москвой, представлен листком из альбома, сохранив-

шегоя в семье медицинской сестры Анны Сергеевны Немковой. Это — две строки из «Думы», торопливо написанные рукою поэта:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,

Лерм...

История альбома могла бы послужить сюжетом для небольшого рассказа, в котором пройдут имена придворных фрейлин и кавалерственных дам, убитого народовольцами шефа жандармов, нижегородских мастеровых, кашинских монахинь, столичных поэтов и публицистов. Судьба этих строк теперь уже установлена: в 1838 году Лермонтов вписал их в Москве в альбом сестры университетского однокашника своего Оболенского. Эта сестра ушла потом в Кашинский монастырь, познакомилась как-то с простой и хорошей женщиной, которой надо было помочь, и устроила ее дочерей в монастырскую школу. Умирая, Оболенская отдала ей свой альбомчик с автографом Лермонтова и наказала хранить. Одна из дочерей этой женщины вышла замуж за С. Е. Немкова, отца той самой Анны Сергеевны, которая в 1960 году привезла альбомчик в Москву, в редакцию Всесоюзного радио, и просила его передать в один из музеев страны.

Теперь он в Пушкинском доме.

А в прошлом году пришло другое известие: научный сотрудник Института физиологии Академии наук СССР в Ленинграде Антонина Николаевна Знаменская сообщила, что в принадлежащем ей старинном альбоме два стихотворения подписаны именем Лермонтова.

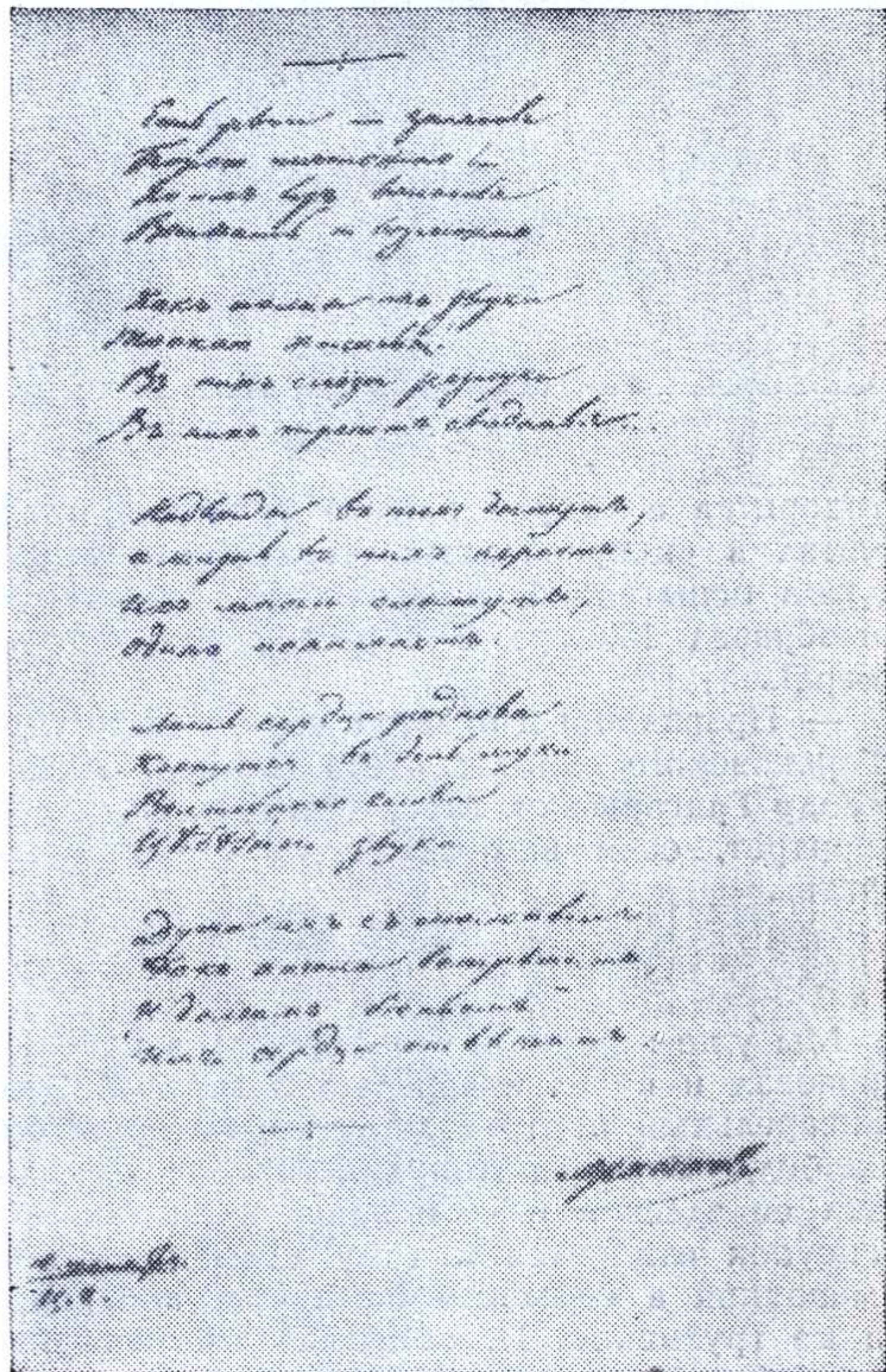
Достаточно было взглянуть, чтобы понять: это рука поэта! Один текст — «Любовь мертвеца» — известный. Второе стихотворение — «Есть речи — значение...» — известно только отчасти. Потому что за двумя первыми строками, известными каждому с детства, следует продолжение другое.

В обоих случаях Лермонтов выставил даты. Но в чей альбом вписал он стихи, нынешняя хозяйка не знает. Тетушка ее мужа А. Н. Малиновская купила его с рук возле антикварного магазина. Это было в 1917 го-

ду в Петрограде, и продавший альбом фамилии своей не назвал.

Пришлось потрудиться. Теперь установлено: Лермонтов писал стихи в альбом Марии Бартеневой, девушки, которую часто встречал в салоне своих близких друзей, Карамзиных, где собирались друзья А. С. Пушкина — Жуковский, Вяземский, В. Одоевский, Соболевский, А. И. Тургенев, А. О. Смирнова-Россет... Бывали и сестры Бартеневы. Старшая, ее звали Прасковьей, в первой половине XIX столетия считалась одной из лучших русских певиц. Лермонтов знал ее с самых юных лет и восхищался ее искусством.

Альбом передан в Пушкинский дом.

Находка, пришедшая из города Горького. История ее довольно простая. Во время моего выступления в Москве за кулисы пришел средних лет человек с небольшой бородкой, стал развертывать газету.

— Знаете, кто это?

Я ни разу не видел изображения этого человека, но догадался:

— Николай Васильевич Майер.

— Как вы узнали?

— По описаниям Лермонтова и других современников. Они вспоминали, что Майер острижен был под гребенку, что лоб его составлял с головой тупой угол, описывали небольшие глаза, толстые губы, мундирный сюртук на дурно сложенном теле. Но, как

говорится в «Герое нашего времени», глаз читал в «неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой». Лермонтов изобразил Майера в образе доктора Вернера!..

— Правильно! Я правнук его — профессор Горьковского университета Майер Александр Григорьевич. Могу оставить вам этот портрет, если вам захочется его напечатать...

Мы уже говорили, что Лермонтов хорошо рисовал и писал акварелью и маслом. Это акварельный портрет девушки, которую он любил, — Варвары Лопухиной. Поэт изобразил ее здесь в виде испанской монахини. Рисунок относится к тому времени, когда монахиня в «Демоне» была еще испанкой, а не грузинкой. И, описывая ту, которую полюбил Демон, Лермонтов мысленно надеял ее чертами Лопухиной.

Эту акварель поэт преподнес ей: он постоянно дарил ей стихи и рисунки, подарил рукопись «Демона». Лопухина любила поэта, ждала, но так и не дождалась и обвенчалась с другим. Муж стал грозить, что истребит всякую память о Лермонтове.

Надо было спрятать все вещи! Куда?

В Германии, в замке Хохберг, близ Штутгарта, жила ее двоюродная сестра, А. М. Верещагина, вышедшая замуж за вюртембергского дипломата Карла фон Хюгеля. И вот, возвращаясь в Россию с одного из германских курортов, Лопухина повидалась с ней и передала на сохранение и портрет свой и Лермонтова портрет, писанный им самим, и другие реликвии. Это было в 1839 году.

Лопухина умерла, пережив Лермонтова всего лишь на десять лет. Верещагина дожи-

ла до 1873 года. После нее все перешло к ее дочерям, потом к внукам. И то, что Лермонтов дарил ей самой, и лопухинские вещи. В 1934 году после смерти последнего владельца замка Хохберг был объявлен аукцион. Автографы, рисунки, картину Лермонтова купил немецкий искусствовед профессор д-р Мартин Винклер, поселившийся в окрестностях Мюнхена.

Когда советским исследователям стало известно, что он готов передать эти вещи в Советский Союз, автор этой заметки был командирован в Западную Германию. Художественные работы и автографы Лермонтова прибыли на вечное хранение в Москву. Портрет Лопухиной находится в Литературном музее.

Во время пребывания в Федеративной республике профессор Винклер познакомил нас с доктором Вильгельмом бароном фон Кенигом, правнуком Верещагиной. Г-н Ке-

ниг живет в Баварии, в фамильном замке Вартхаузен. Мы отправились к нему, чтобы посмотреть неизвестный лермонтовский рисунок, украшающий стену его гостиной. Кроме рисунка — на нем изображена стычка русских крестьян с французскими всадниками, — г-ну фон Кенигу принадлежат альбомы из верещагинского архива. В одном из них мы нашли неизвестный рисунок пером. Это рисунок Лермонтова.

В то время, как по Центральному телевидению в Москве шла передача, посвященная этим находкам, и были показаны на экране и автографы, и портрет Лопухиной, и картины, и снимок — литографированный портрет Верещагиной, обнаруженный в замке Вартхаузен, на Кутузовском проспекте в Москве, в квартире москвичей Комовых, случилось событие, какие бывают не часто: обнаружился новый рисунок Лермонтова!

Лицо Верещагиной показалось знакомым молодой художнице Наталье Константиновне Комовой. Не удивительно: совершенно такая же литография висит над постелью ее бабушки Инны Николаевны Солнцевой, по мужу Полянкер. А прежде эта литография находилась в старинном семейном альбоме.

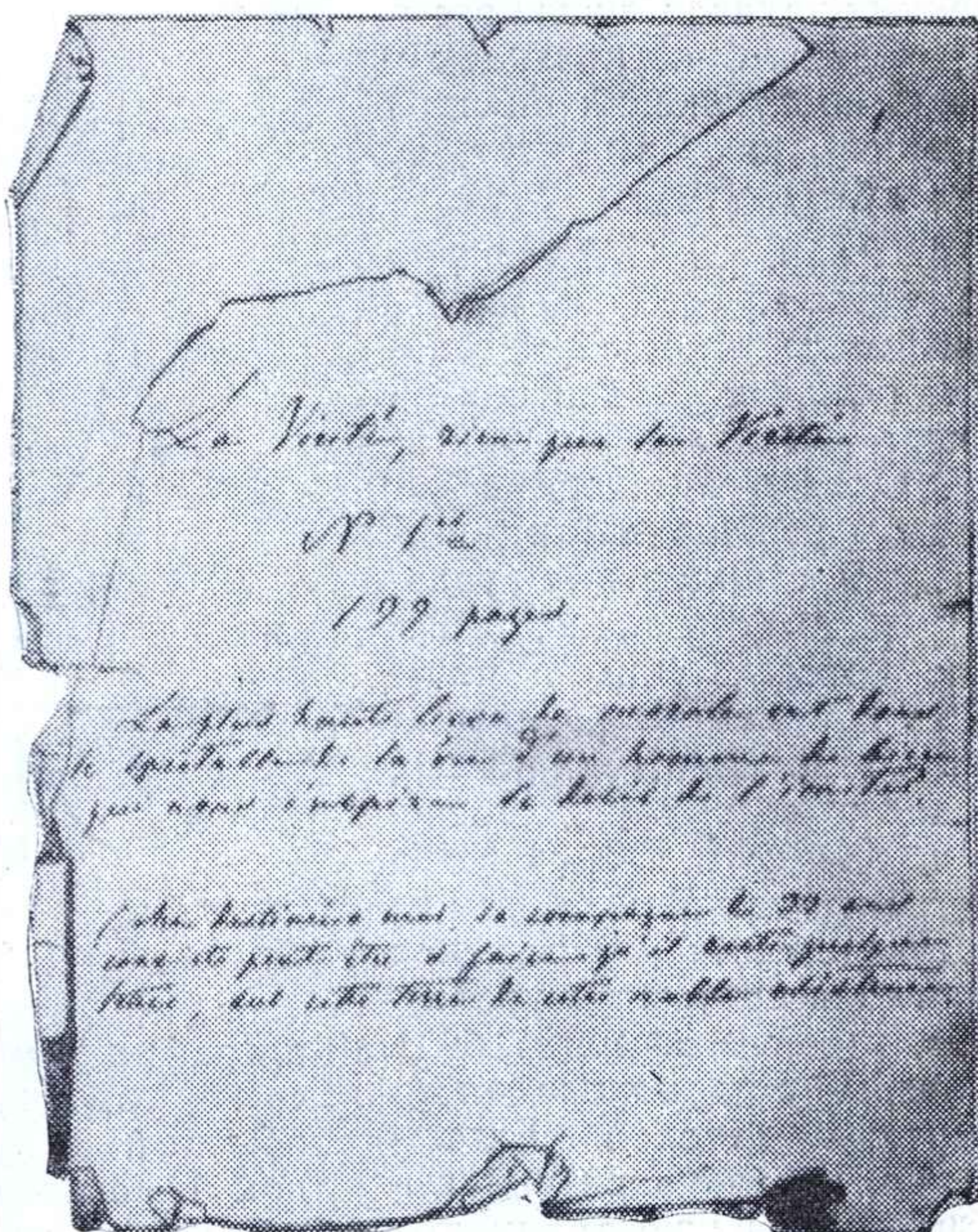
Кончилась передача. Перелистывая альбом, Комова обнаружила рисунок с подписью: «М. Лермонтов». И рядом — картинку, рисованную родственником поэта, с подписью: «Шан-Гирей».

По всем признакам альбом принадлежал в 30-х годах прошлого века девушке, жив-

шей в доме тетки поэта Е. А. Столыпной. Девушку звали Марией Ловеико.

От имени Комовых альбом передан в Дом-музей в селе Лермонтово, Пензенской области.

А это обложка воспоминаний, которые писала Вера Ивановна Бухарина-Анненкова, писала их по-французски. И озаглавила: «Правда и только правда». Известно было, что она была знакома и с Лермонтовым и с Пушкиным, знала и других замечательных людей своего времени. А время ее было долгое: она умерла в 1902 году, 89 лет. После смерти ее хотели напечатать записки, но оказалось, что она завещала их внуку — сыну русского дипломата, 15-летнему мальчику, жившему за границей. И рукопись ушла из пределов России. Попытки найти

ее в продолжение четверти века были безрезультатны. В позапрошлом году узнаю: рукопись в свое время возвратилась в Россию и в 1917 году была положена на сохранение в банковский сейф. Новые поиски — и опять без успеха. Тогда я решаюсь обратиться к помощи телезрителей: опыт уже имеется. Однако до телевизора не дошло. Выступая перед читателями Исторической библиотеки в Москве с рассказом о поисках, я получил записку: «Я знаю, где мемуары Анненковой».

Их держала в руках несколько лет назад Шифра Абрамовна Богина, работавшая в Архиве древних актов в Москве. Она описала записки, дала им номер, внесла в каталог — это пятнадцать толстых тетрадей, — и они снова легли на архивную полку. До меня их еще никто не читал (за последние сорок семь лет!). Теперь уже точно известно: интереснейшие записки!